

Алексей ЕФИМОВ

Основные риски современной экспансии ТНК

Глобализация и стремительный рост взаимозависимости всех регионов и сегментов нашего мира порождают особенность развития современного общества – дуализм и неоднозначности любого экономического, социального, политического или технологического события. С одной стороны, перед бизнесом открываются безграничные возможности, с другой – подрываются сами основы принятия решений такими новыми рисками, как терроризм, покупательские бойкоты и иные протестные движения социума, техногенные катастрофы и т. п.

Кратко рассмотрим спорные вопросы, которые связаны с деятельностью ТНК в принимающей стране. Прежде всего следует отметить, что воздействие ТНК на государства, на территории которых они действуют, неоднозначно.

Они действительно способствуют распространению, с одной стороны, сверхэксплуатации, с другой – более прогрессивных условий труда (приход в страны третьего мира «цивилизованных производителей» не случайно воспринимается значительной частью населения скорее позитивно, чем негативно).

Например, в Германии происходит массовый перевод ряда автомобильных производств, особенно по выпуску простейших деталей, в страны Восточной Европы. Автомобили немецких марок в результате почти наполовину состоят из иностранных комплектующих. И когда концерн Volkswagen пригрозил, что будет строить свои автосборочные заводы в Словакии и Индии, Рабочая партия и профсоюзы всеми силами попытались воспрепятствовать этому. В итоге немецкие рабочие согласились работать больше (включая субботние дни) за существенно меньшую зарплату и социальные гарантии.

А, скажем, строительство автосборочного завода Volkswagen под Калугой дает региону дополнительно 10 тыс. рабочих мест. Кроме того, немецкий концерн возводит более 1 млн квадратных метров жилья и на льготных условиях кредитует покупку немецких машин своими сотрудниками.

Другой серьезный фактор неоднозначности связан с финансовыми возможностями ТНК.

Общеизвестно, что современный финансовый рынок отличается беспрецедентными объемами и высокой мобильностью спекулятивного финансового капитала. Так, по данным лауреата Нобелевской премии по экономике М. Алле, на рубеже столетий ежедневный объем мировой торговли реальными товарами составлял $12 млрд., тогда как объем финансовых сделок превышал $400 млрд [1]. Изменилась также сама модель «организации» капитала. Если

Алексей ЕФИМОВ – аспирант кафедры информационного обеспечения внешней политики РФ факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова

прежде компании зависели от государств, то теперь, напротив, государство зависит от компаний – от того, придут или не придут в страну их деньги. Государства начинают соревноваться между собой в умении привлечь капиталы или, по меньшей мере, создать условия, при которых не будет причин для оттока капитала.

В развитых и развивающихся странах эта ситуация складывается по-разному.

В промышленно развитых странах происходит эрозия структур так называемого welfare state – общества всеобщего благосостояния. Государство постепенно снимает с себя обязательства по поддержанию социального контракта – баланса интересов обладателей капитала и производящих классов. Яркий пример – политика нового коалиционного правительства Великобритании по демонтажу достижений welfare state с последующими забастовками студентов, госслужащих и т. п. Государства и общества оказываются перед дилеммой: либо сокращение социальных гарантий, либо перевод производства в страны с более покладистой рабочей силой. Перед этим шантажом мобильного капитала не могут устоять ни профсоюзы, ни правительства.

Еще сложнее обстоят дела с влиянием мобильного капитала ТНК на развивающиеся государства. Поскольку последние не обладают ни экономическими, ни политическими или институциональными ресурсами, находящимися в распоряжении развитых стран, единственный способ привлечения инвестиций для них – максимальное удешевление труда и блокирование любых процессов, которые могли бы привести к самоорганизации трудящихся классов.

Поскольку глобализация – процесс неоднозначный, ее дуализм проявляется и в отношении самих всемогущих транснациональных корпораций.

Для систематизации анализа сгруппируем риски ведения бизнеса в категории финансовых, операционных и бизнес-рисков.

Финансовые риски ведения транснационального бизнеса могут включать себя риски мировых финансовых кризисов и риски энергетических кризисов. Операционные риски складываются из международного терроризма, мошенничества и преступности, а также из рисков потребительского бойкота продукции ТНК. Наконец, бизнес-риски включают в себя опасности, связанные с выходом ТНК на развивающиеся рынки, экологические риски и информационные риски.

ФИНАНСОВЫЕ РИСКИ МИРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ КРИЗИСОВ

Финансовые кризисы ведут к девальвации национальных и мировых валют, падению фондовых рынков, неплатежеспособности кредиторов и банковским дефолтам, увеличению внутренних и внешних государственных долгов. Избежать воздействия мировых финансовых кризисов удается немногим секторам экономики. Финансовые ТНК при этом несут прямые потери, ТНК других отраслей сталкиваются с резким снижением цен и спроса, трудностями с привлечением капитала.

При этом «глобальные финансовые кризисы не случаются в одночасье. События подобного рода обычно прогнозируемы. Правительства и центральные банки большинства государств осознают приближающуюся угрозу и стремятся сохранить контроль над ситуацией. Тем не менее стабильность финансовой системы регулярно нарушается, и мировые финансовые кризисы по-прежнему находятся в числе ведущих бизнес-рисков» [2].

Мировые финансовые кризисы, в свою очередь, вызывают риск бюджетных кризисов, означающий повышение долговой нагрузки правительств до критических уровней, рост ставок и усиление инфляционного давления. И, как результат – дестабилизация национальной валюты и усиление валютных рисков.

Среди секторов, наиболее подверженных риску мировых финансовых кризисов, можно выделить банковскую сферу и управление активами, рынок недвижимости, биотехнологии, нефтегазовую промышленность и электроэнергетику.

ФИНАНСОВЫЕ РИСКИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ

От стоимости энергоресурсов зависит деятельность практически всех компаний. Повышение цен на энергоресурсы и нестабильный доступ к ним можно назвать не просто риском, а интегральным рискообразующим фактором, вызывающим цепную реакцию роста других рисков. Например, энергетический кризис увеличивает кредитные, финансовые, транспортные и другие виды рисков.

Так, если в 1998 г. баррель нефти стоил $10, в 2001-2003 гг. говорили о справедливом коридоре нефтяных цен в $22-28 за баррель, то в 2006 г. цены достигли отметки $75 за баррель, а начавшийся в 2007 г. экономический кризис взвинтил их до $120 за баррель, после чего, в начале 2009 г., они стали стремительно падать ниже $35 за баррель. К середине 2009 г. нефтяные цены относительно стабилизировались вокруг отметки $60-70 за баррель, затем начался их постепенный рост. Подчеркнем, что проблемой являются не слишком высокие или слишком низкие цены на нефть сами по себе. В условиях определенной тенденции (вверх или вниз) рынок успевает к ней приспособиться. Для экономических субъектов проблемой являются непредсказуемые резкие колебания цен на энергоресурсы.

Существуют такие потенциальные источники энергетических ценовых потрясений, как действия США против Ирана, охлаждение отношений с Россией, борьба за контроль над стратегическими энергетическими поставками и нарушение судоходства через один из ключевых морских каналов.

Резкому росту энергетических рисков способствует и усиливающийся сегодня энергетический национализм. Если в течение последних нескольких десятков лет поставки энергоносителей находились под контролем главным образом частных компаний, то сейчас мировое предложение топлива стало зависеть от нескольких национальных государственных поставщиков.

В будущем риски, связанные с непрерывными и бесперебойными поставками топлива в развитые страны, могут значительно увеличиться. Причем чрезмерные усилия по обеспечению гарантированных поставок ресурсов (их оплатой по ценам выше рыночных, осуществлением долгосрочных сделок и т. д.) – то, что сегодня демонстрируют, например, ЕС и США, – могут привести к обратному эффекту и повысить вероятность возникновения энергетического кризиса. Если на рынках начнется паника, правительства стран-поставщиков могут ответить нескоординированными, односторонними действиями, что ухудшит ситуацию.

ОПЕРАЦИОННЫЕ РИСКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Критическая масса дуализма глобализации уже накопилась и вылилась в международный терроризм, точкой отсчета которого стало 11 сентября 2001 г. Сегодня террористические группы заявили о себе как о глобальных акторах в конкуренции с государствами, экономикой и гражданским обществом. Сеть террористических организаций сходна по своим действиям с неправительственными организациями. Как и общественные НПО, они проводят свои акции по всему миру децентрализованно, т. е. в локальных и в транснациональных масштабах. В то время как, например, Greenpeace борется с загрязнением окружающей среды, Amnesty International – с нарушением прав человека, террористические НПО нацелены на борьбу с государственной монополией на власть.

Уникальность нынешней ситуации состоит в том, что жители тех стран, правительства которых объявили, что находятся в состоянии «войны с терроризмом», свои страны воюющими не считают. Отсюда тот шок, который испытывают рядовые американцы, европейцы или русские, когда оказываются объектами террористических атак. В военной области мы сегодня сталкиваемся с устранением расстояний, с концом государственной монополии на власть в цивилизованном мире.

Мощь террористических акций растет вместе с рядом условий: ранимостью нашей цивилизации, глобальным (благодаря СМИ) присутствием террористической опасности; высказыванием президента США, что из-за этих преступников возникает угроза самой цивилизации; готовностью террористов жертвовать собой. Наконец, угроза терроризма увеличивается в соответствии с темпами технического прогресса. Вместе с технологиями будущего – генотехникой, нанотехнологиями и роботизацией – мы открываем «новый ящик Пандоры» [3, с.31].

Очевидно, что риск международного терроризма ведет к возникновению неблагоприятного климата для международного бизнеса. Так, опрос американских руководителей после событий 11 сентября показал, что 68% из них уверены: глобализация приведет к увеличению их рисков [4].

ОПЕРАЦИОННЫЕ РИСКИ МЕЖДУНАРОДНОГО МОШЕННИЧЕСТВА И ПРЕСТУПНОСТИ

Киберпреступность, нарушения прав интеллектуальной собственности и обычная контрабанда наносят всем субъектам экономической среды огромный ущерб. Объемы теневой торговли растут в восемь раз быстрее торговли законной. По этой причине с начала 1990 г. потери законопослушных бизнесменов составили более $500 млрд [5].

Новый риск, с которым в последнее время сталкивается человечество, связан с похищением взрослых людей и детей с целью получения выкупа (из последнего – похищение сына Евгения Касперского). При этом, если раньше такой угрозе подвергались преимущественно сотрудники крупных компаний, отправлявшиеся в зарубежные командировки в некоторые районы мира, особенно в страны Латинской Америки, то теперь угроза похищения практически любого взрослого (например, журналистов, освещающих военные действия) или ребенка (в том числе для дальнейшей продажи на органы) стала глобальным явлением. Хотя многие похищения идеологически мотивированы и связаны с терроризмом, возрастает число случаев, когда группировки различной направленности прибегают к похищениям с целью получения денежных средств. В Интернете представлен следующий перечень стран, где особенно высок риск быть похищенным с целью выкупа: Пакистан, Мексика, Венесуэла, Нигерия, Индия, Афганистан, Колумбия, Сомали, Бразилия, Филиппины. Нельзя не упомянуть и Афганистан и Ирак, а также Аденский залив, где наблюдается резкий рост нападений пиратов на суда [6].

ОПЕРАЦИОННЫЕ РИСКИ ВОЗМОЖНОГО ГЛОБАЛЬНОГО ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО БОЙКОТА В ОТНОШЕНИИ ПРОДУКЦИИ ТНК

Оппонирующая сила глобального гражданского общества базируется на фигуре современного потребителя. Его противодействие власти ТНК вытекает из того, что он везде и в любое время может отказаться от покупок. «Оружие непокупания» [3, с.25] нельзя сократить ни в пространстве, ни во времени, ни материально. Оно находится в зависимости от нескольких условий (например, наличия денег или превышения предложения над спросом товаров и услуг, когда потребитель может делать выбор). Бла-

годаря этим условиям, т. е. плюрализму покупательских и потребительских возможностей, сокращаются субъективные издержки, что позволяет методом организованного бойкота наказать именно этот продукт именно этой компании. Так, компания Shell, имевшая на своей стороне британское правительство и его полицейский аппарат, проиграла, когда покупатели объявили транснациональный бойкот ее бензозаправочным станциям в ответ на решение компании затопить пришедшую в негодность нефтяную платформу Brent Spar в Атлантическом океане в 150 милях от берегов Шотландии [7].

Отметим, что, в отличие, например, от разлива нефти на платформе BP в Мексиканском заливе из-за технических ошибок персонала или экологической катастрофы в результате севшего на мель танкера Exxon Valdez по вине пьяного капитана, в данном случае Shell не сделала ничего незаконного. План был полностью утвержден правительством Джона Мейджора; затопление давно уже стало общепринятым способом избавляться от старых нефтяных платформ. Никто не доказал, что альтернатива «зеленых» (вытянуть это сооружение весом в 14,5 тыс. т на берег, где нефтяной осадок можно будет захоронить, а металл отправить на переплавку) экологически более оправданна, чем запланированное Shell глубинное затопление. Но образ Shell, который создало движение Greenpeace, – безобразного, гигантского, ржавого убийцы природы, отгоняющего от себя замечательных «зеленых» активистов, – привлек внимание публики и вылился в беспрецедентную акцию по бойкотированию заправок компании. Неофициальный бойкот распространился на Германию, Великобританию, Данию, Австрию и Нидерланды. В результате Shell вынуждена была отступить – платформу отбуксировали в Норвегию и разобрали в доке.

Фатальным для интересов мирового капитала является то, что против растущей власти потребителей не существует контрстратегии: даже всемогущие мировые концерны не могут уволить своих потребителей. Потребители – в отличие, например, от рабочих – не являются членами корпорации и не хотят ими быть. Совершенно неэффективным инструментом оказывается и шантаж – угроза производить свою продукцию в тех странах, где потребитель еще покладист и готов проглотить все, что ему предлагают. Во-первых, потребитель глобализирован и желателен для ТНК именно в этом своем качестве. Во-вторых, нельзя отвечать на протесты потребителей в одной стране переводом производства в другие страны, не нанося вреда самим себе. Не удастся сыграть и на национальной солидарности, противопоставляя потребителей одной страны потребителям другой. Протесты потребителей сами по себе транснациональны. Потребительское общество – это реально существующее мировое сообщество. Потребление не признает никаких границ – ни границ производства, ни границ потребления. Это делает особо опасной для ТНК еще не развитую силу противодействия потребителя. Ведь при хорошем взаимодействии и целенаправленной мобилизации ничем не связанный, свободный потребитель, организованный в транснациональном масштабе, может сформироваться в острое оружие. Стратегия отказа от покупки определенных продуктов и, таким образом, противостояние политике ТНК исключает какой бы то ни было риск.

Стоит, однако, отметить, что возможности противостояния потребителей зависят от их организованности – покупательскому бойкоту нужна целенаправленная поддержка глобальных средств массовой информации (именно СМИ растиражировали сюжет о том, как Shell с помощью водяных пушек отгоняет от платформы вертолет с активистами «зеленых»). Без отсутствия внимания со стороны общественности бойкот потребителей потерпит крах. Предпосылкой были и остаются деньги – без покупательской способности нет власти потребителей.

БИЗНЕС-РИСКИ РАЗВИВАЮЩИХСЯ РЫНКОВ

Крупные компании сегодня активно выходят на рынки развивающихся стран и стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). Однако вход и освоение этих рынков связаны с рядом рисков, включая валютные, операционные, регуляторные, языковые, культурные и др. «Развивающиеся рынки привлекают внимание резким ростом спроса на информацию. Учитывая, что на Китай и Индию приходится треть населения планеты, эти рынки представляют собой будущее глобального развития медиа-индустрии» [2].

Более 60% компаний, осуществляющих экспансию, ведут деятельность в развивающихся странах менее 10 лет, и почти 20% – менее 2 лет. В большинстве случаев глобальные игроки на развивающихся рынках конкурируют между собой.

Целью выхода на рынки развивающихся стран является потребление дешевых трудовых и природных ресурсов, а также сбыт своей продукции. Для ТНК ряда секторов, например, биотехнологий и потребительских товаров, развивающиеся рынки предлагают преимущества в области организации каналов поставок продукции. При этом товары и услуги, получаемые от малоизвестных поставщиков из развивающихся рынков, необходимо подвергать тщательной проверке на качество и соответствие стандартам.

Отрасли, ТНК которых наиболее подвержены данному риску, – это недвижимость, СМИ и индустрия развлечений, автомобильная промышленность, страхование и биотехнологии.

Для международных компаний, осуществляющих свою деятельность на рынках развивающихся стран, глобализация многократно повысила также риски коррупции.

Быстрые экономические реформы в развивающихся странах часто ведут к тому, что большая часть старой управляемой экономики сосуществует рядом с развивающейся рыночной экономикой. Это создает огромные возможности для арбитража между двумя экономиками. Каждый, кто сможет получить контроль над фондами в государственной части экономики и разместит их в либерализованной части, получает возможность быстрого и крупного обогащения. Хорошим примером того, к чему может привести «макрокоррупция», является русская «приватизационная» модель. Для поддержки на выборах Бориса Ельцина в 1996 г. государственное имущество продавалось по заниженным ценам. В результате многие западные фирмы до сих пор имеют проблемы, связанные с вопросом собственности на это имущество. Арбитраж перекрестных экономик характерен для современной китайской экономики. Некоторые эксперты оценивают половину всех деловых контрактов в Китае как мошеннические и отмечают, что контрафактные товары составляют до 40% всей произведенной в этой стране продукции. По их оценкам, экономическая коррупция может поглотить примерно 15% ВНП Китая [4].

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ БИЗНЕС-РИСКИ

Ущерб мировой экосистеме наносят техногенные катастрофы. «Споры относительно изменений климата превратили в общественном сознании вопрос окружающей среды в общемировую проблему. Мы приближаемся к “нулевому уровню” терпимости общества в отношении экологических катастроф, о чем свидетельствуют недавние события с участием компаний нефтегазового сектора» [8], – полагают эксперты в области возобновляемых источников, вторичных ресурсов и экологически чистой энергии компании Ernst & Young.

Некоторые эксперты говорят о существовании возможности развития менее благоприятных сценариев изменения природной среды, чем те, которые прогнозируются большинством ученых [2]. В этом случае может последовать более резкая реакция политических деятелей и общественности, чем та, на которую рассчитывают большинство компаний. Например, вполне вероятно установление фиксированного процента возобновляемой энергии в общем объеме используемых компаниями энергоресурсов.

Среди секторов глобальной экономики, наиболее подвергающихся риску финансовых и репутационных потерь вследствие нанесения ущерба экологии, можно выделить электроэнергетику, страхование, автомобильную и нефтегазовую промышленность.

Наконец, нельзя не сказать и о таком новом глобальном бизнес-риске, как информационная война.

Понятие информационного противоборства впервые появилось в середине 80-х годов, т. е. на завершающем этапе «холодной войны», и получило новое развитие в 1991 г., после окончания ближневосточной военной операции США «Буря в пустыне». Именно тогда впервые были использованы новейшие информационные технологии как средство ведения боевых действий, что обеспечило американским военным невиданные ранее преимущества [9].

В декабре 1992 г. этот термин был официально введен в директиву министра обороны США, и с тех пор страны Запада приступили к окончательному формированию концепции информационных войн. К концу 1990-х годов стали понятными основные контуры этого нового явления. Информационное противоборство трактуется ведущими политиками как открытое или скрытое целенаправленное информационное воздействие на противника с целью его дезинформации, дезориентации и дестабилизации. Другими словами, это уже не просто радиоэлектронная борьба, а прежде всего психологическая и мировоззренческая интервенция посредством глобальных компьютерных связей и использования информационных преимуществ. Такая концепция войны может быть использована как стратегия «управляемого хаоса», в основе которого лежат различного рода межэтнические или межрелигиозные конфликты.

Информационная политика современных ТНК – предмет отдельного исследования, здесь же отметим, что для бизнеса информационные риски сопряжены в том числе с заявлениями отдельных экономических и политических деятелей, которые могут вызвать резкие колебания национальной валюты или курса акций компаний.

Итак, глобальное общество порождает новые риски, усиливая мировую нестабильность и негативные ожидания потребителей. В то же время тем компаниям, которые смогли устоять в этом многоликом марафоне рисков, она позволяет достичь небывалых высот и практически мирового господства.

Литература

1. Глобализация мировой экономики и место России. М.: ТЕИС, 2002. С.65.
2. URL: http://www.audit-it.ru/articles/finance/a106/150429.html
3. *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. М.: ИД «Территория будущего», 2007.
4. URL: http://www.franklin-grant.ru /ru/news2 /data/news_06 /2003_12 /20031222_195842_cl.asp
5. URL: http://www.echo-az.com/archive/2006_11/1446/politica04.shtml
6. URL: http://kmport.ru/2010-02-13-08-42-38/2010-02-14-11-17-36/48--2009.html
7. *Кумминс Я., Бизант Дж.* Shell шокирует мир. Секреты и спекуляции нефтяного гиганта. М., СПб.: Вершина, 2007. С.198.
8. *Дж. Джонс,* компания Ernst & Young, on-line на http://www.audit-it.ru/articles/finance/a106/150429.html
9. URL: http://humanities.edu.ru/db/msg/26010